ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И СМИ

Кочкин Андрей Вадимович, аспирант Института медиа факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; e-mail: andrey_kochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7505-2217

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ МЕДИА В ДОКТРИНАХ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США В XXI ВЕКЕ

В статье рассматривается актуальная проблема определения роли медиа в доктринальных документах США, касающихся обеспечения информационной безопасности. В частности, анализируются документы, принятые в области обеспечения информационной безопасности на рубеже XX–XXI вв., что позволяет выявить эволюцию понимания американским руководством роли медиа в системе национальной безопасности США. Методика исследования включает в себя историографический анализ научной литературы по теме исследования; политико-правовой анализ содержания документов доктринального характера, сопоставительный анализ и метод исторической ретроспекции. За последние полвека доктрина США в области медиа эволюционировала от понимания медиа как инструмента сдерживания до активного средства поддержки информационных операций США. Такой подход позволяет американскому руководству проводить системную политику по применению медиа как наступательного ресурса в информационных войнах.

***Ключевые слова**: средства массовой информации, доктрина безопасности США, медиаресурс, информационная безопасность, информационный суверенитет, государственная информационная политика.*

Как цитировать: *Кочкин А. В.* Эволюция роли медиа в доктринах информационной безопасности США в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2024. № 5. С. 100–114. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.100114

Andrei V. Kochkin, postgraduate student at the Media Instinute of the Creative Industries faculty, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; e-mail: andrey_kochkin@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7505-2217

EVOLUTION OF THE ROLE OF MEDIA IN US INFORMATION SECURITY DOCTRINES IN THE XXI CENTURY

The article reveals the current problem of determining the media role in US doctrinal documents related to information security. In particular, the article analyzes documents adopted over the past twenty years, which allows to identify the evolution of the American

leadership's understanding of the media concept in the US national security system. The research methodology is based on a systematic approach and includes methods of a general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: historiographic analysis of scientific literature on the research topic; political and legal analysis of doctrinal documents; comparative analysis and method of historical retrospection. Based on the research results, the author concluded that over the past half century, US doctrine in the field of media has evolved from an understanding of media as a tool of deterrence to an active means of supporting US information operations. This approach allows the American leadership to pursue a systematic policy of using media as an offensive resource in information wars.

***Key words**: media concept, US security doctrine, media resource, information security, information sovereignty, state information policy.*

To cite this article: Kochkin A. V. (2024) Evolyutsiya roli media v doktrinakh informatsionnoy bezopasnosti SShA v XXI veke [Evolution of the role of media in US information security doctrines in the XXI century]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika 5*: 100–114. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.100114

DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2024.100114

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что современные военные операции, проводимые при политической или финансовой поддержке США, все чаще поддерживаются с помощью соответствующих медиаресурсов, то есть медиасистема в контексте информационной безопасности рассматривается как разновидность современного вооружения в информационной войне. В частности, в современной американской политической науке медиа рассматриваются как «неотъемлемая часть информационных операций в киберпространстве» (Ellis, 2019: 122). При этом в сфере обеспечения информационной безопасности медиа понимаются двояко: с одной стороны, как ресурс информационного воздействия (в том числе и как оружие в информационной войне), а с другой – как объект потенциальной уязвимости информационного пространства (Wulzer, 2018: 830). В самом общем виде в американских доктринальных документах медиа рассматриваются как ресурс, который «используются многочисленными игроками по всему миру для получения позиционного преимущества как внутри, так и за пределами информационного пространства» (Ellis, 2019: 117).

Исходя из всей концепции американской политической мысли, трактовка медиа как средств массовой информации, использу-

емых в качестве «элемента войны и национальной мощи, так же стара, как и сама цивилизация» (Homolar, 2023: 37). Однако наступление информационной эпохи привело к экспоненциальному распространению тактики, технологии и угроз, связанных с относительно новым искусством и наукой, называемыми «информационными операциями» (*Information Operations, IO*).

Появление технологий *Web* 2.0, социальных сетей, массовых цифровых платформ и их последующее использование в рамках информационных операций представляет собой эволюцию в военном деле между большими и малыми державами, а также негосударственными акторами в современном мире (Amitav, 2023: 15). Современная концепция пользовательского и созданного контента, открытого сотрудничества, обмена и распространения информации, а также теория «коллективного сознания» является основой современной концепции медиа в американской политической практике (Wulzer, 2018: 827). Таким образом, использование медиа как средств массовой информации, особенно социальных сетей, в условиях глобального конфликта по поводу американской геополитической гегемонии является отличительной характеристикой локальных войн XXI в. В силу всего перечисленного изучение эволюции взгляда руководства США на роль медиа в обеспечении информационной безопасности приобретает особую актуальность с точки зрения понимания американской тактики и стратегии по применению медиаресурсов в современных информационных операциях.

Обзор литературы

Историография темы исследования довольно обширна. Теоретические аспекты медиа как ресурса современной политики в сфере обеспечения информационной безопасности рассмотрены в работах таких авторов, как Т. В. Арзаманова (2021), В. В. Бендарь (2012), А. М. Кожевников (2022) и др. Развитие доктринального подхода к роли медиа в политике современных государств в области обеспечения информационной безопасности связывается в работах этих авторов к фактором смены геополитической парадигмы после окончания холодной войны вплоть до современного обострения отношений США с Россией и Китаем.

Сопоставительные исследования нормативной правовой базы информационной безопасности США представлены работами В. В. Бухарина (2016), Н. В. Королькова (2022), Е. С. Мазаева (2017). В рам-

ках данных исследований довольно подробно рассматривается нормативно-правовой аспект концепции медиа в актах Конгресса США, актах Президента США и в ведомственных документах.

Медиаресурсы как инструмент информационных войн, инициированных США в начале XXI в. практически по всему миру, рассматриваются в исследованиях С. М. Небренчина (2020), В. Н. Панкратова (2020), А. Н. Подберезкина, О. А. Подберезкиной (2018). Данные авторы склоняются к мысли о том, что медиа как оружие современных войн являются также полем конфронтации внутри политических сил в США. С позиций современного состояния российско-американских отношений можно утверждать, что медиа в основном рассматриваются как инструмент информационной войны, вне зависимости от последствий их воздействия на целевую аудиторию.

Зарубежная историография темы в основном представлена исследованиями, посвященными изучению понимания руководством США места и роли медиа в доктринах национальной безопасности. В частности, в работах таких американских политологов, как, например, М. Броди, отмечается, что медиа как ресурс до начала XXI в. рассматривались в американской политике как «инструмент сдерживания, которое было краеугольным камнем взаимодействия между государствами» (Brodie, 2000: 128). Такая трактовка, по мнению Р. Крофта (2018) и Дж. Эллиса (2019), использовалась в американских внешнеполитических доктринах XX в. в случаях столкновения государственных интересов, когда политические лидеры стран стремились избежать прямого военного конфликта. По мнению Г. Киссинджера, «в отношениях сдерживания степень эффективности медиа как ресурса определялась с позиций военной, экономической и дипломатической мощи»[1].

В своем исследовании Х. Л. Лавер отмечает, что ситуация изменилась с началом холодной войны: «Потенциальная разрушительная сила ядерного оружия в сочетании с относительно небольшим числом государств, обладающих им, предполагала необходимость новых концепций сдерживания, адаптированных для управления ядерным соперничеством между Советским Союзом, Соединенными Штатами и их союзниками» (Laver, 2005: 116). По мере того как холодная война подходила к концу, формировалось мнение о том, что отсутствие ядерной конфронтации между великими державами требует меньшего акцента на сдерживании как ключевой черте национальной стратегии и соответствующего сокращения инструментов сдерживания, преобладавших во время холодной войны[2].

В то же время такие современные авторы, как, например, Ф. П. Семпа (2023) и Н. Дж. Шэллкросс (2017), отмечают, что в официальных документах США редко используется термин «информационная безопасность» при обсуждении места и роли медиа в системе безопасности страны, поскольку понятие информационной безопасности включено в состав концепции «кибербезопасность». В своем исследовании З. Волчер подчеркивает, что «США довольно редко использовали в своих документах термин "информационная безопасность" вплоть до 2014 года, когда понимание роли медиа существенно изменилось под влиянием нового геополитического контекста» (Wulzer, 2018, 829).

С точки зрения диаметрально противоположных парадигм концепции медиа – инструмент политики сдерживания в XX в. и оружие информационной войны в XXI в. – обсуждение и понимание термина «медиа» в доктринальных документах США, посвященных информационной безопасности, требует рассмотрения именно с позиций эволюция данного понятия. Более того, скорость развития информационных технологий позволяет говорить о целенаправленном манипулировании сознанием с помощью цифровых медиа, при котором идея информационной безопасности приобретает совершенно новое измерение.

Тем не менее, несмотря на довольно обширную историографию, эволюция роли медиа в обеспечении информационной безопасности США, исходя из декларируемых принципов в доктринальных документах стратегического характера, требует дополнительного изучения.

Методика исследования основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедукция). Системный подход предполагает рассмотрение информационной безопасности как системы государственных и частных мер, все элементы которой взаимосвязаны и нацелены на единую функцию – выполнение защиты данных (информации).

В рамках проведенного исследования был использован ряд специальных методов:

– историографический анализ научной литературы по теме исследования, который позволил выявить основные теоретические подходы к исследованию понимания роли медиа в современной отечественной и зарубежной историографии;

– историко-правовой анализ, который заключался в выявлении постепенного внедрения понятия «информационная безопас-

ность» в общую концепцию национальной безопасности, а также изменений трактовки роли медиа в государственных документах, имеющих доктринальный характер и концептуализирующих отношение американского государства к медиа как инструменту обеспечения информационной безопасности;

– метод текстологического анализа, который позволяет на базе сопоставления выявить основные положения, идеи и определения, отраженные в доктринальных документах Конгресса США, специальных правительственных комитетов, министерств и директивах Президента США.

Понимание «информационной безопасности» в доктринах национальной безопасности США в конце XX в.

В самом общем виде политика национальной безопасности страны определяется многими факторами, в том числе внешними угрозами, географией, политической культурой, военными возможностями, экономическими потребностями, мнением элиты, общественным мнением (в демократических странах) и представлениями ее лидеров о стратегических интересах страны (Sempa, 2022: 74). Этот последний фактор часто проявляется в доктрине внешней политики или национальной безопасности – документе, который служит руководством по проведению политики страны. В самом общем виде доктрина национальной безопасности является организующим принципом, который помогает государственным деятелям определять и расставлять приоритеты в геополитических интересах своей страны (Там же: 97).

В США вопрос обеспечения информационной безопасности был поднят еще в 1998–1999 гг., когда были опубликованы две президентские директивы (*PDD*-63 и *PDD*-68) по противодействию угрозам информационной эпохи для американских систем и их населения. Первая из них, *PDD*-63, была ориентирована на защиту критически важной инфраструктуры, а также в ней устанавливался ряд шагов по противодействию этой уязвимости. Описанные в доктрине шаги были реализованы к 2003 г. и включали в себя анализ угроз внешней кибернетической и информационной войны. В данной директиве термин «информационная безопасность» упоминается только дважды и только в отношении программ по работе с общественностью (Там же: 99).

Вторая директива, *PDD*-68, координирует усилия США по пропаганде своей политики и противодействию негативной информа-

ции о США за рубежом (Sempa, 2022: 100). В соответствии с этой директивой была создана группа по международной общественной информации (*IPI*) для координации выявления враждебной иностранной пропаганды и методов создания информационных фальсификатов, нацеленных на нанесение ущерба имиджу США (Там же: 104). Основное внимание уделяется враждебным информационным программам. Тем не менее в данной директиве понятие медиа еще не связывалось с информационной безопасностью.

Выпущенная в 2003 г. «Совместная доктрина информационных операций»[3] определяет информационную безопасность как «защиту информации и информационных систем от несанкционированного доступа или изменения информации, будь то при хранении, обработке или передаче, а также от отказа в обслуживании авторизованных пользователей». В данном документе понятие «информационная безопасность» включает меры, необходимые для «обнаружения, документирования и противодействия угрозам, исходящим из различных информационных каналов» (Croft, 2018: 255). В данных документах информационная безопасность трактовалась как совокупность компьютерной безопасности и безопасности коммуникаций (*INFOSEC*)[4].

Необходимо отметить, что за всю историю США было создано всего восемь основных доктрин национальной безопасности: прощальная речь Дж. Вашингтона, «Доктрина Монро», политика сдерживания («Доктрина Трумэна»), политика предназначения, политика открытых дверей, политика баланса внешнего и внутреннего развития, политика демократизации и доктрина «упреждающего удара» Дж. Буша-младшего. Несмотря на то что на протяжении всей истории США конкретная политика в отношении других стран или регионов мира называлась «доктринами», в действительности эта конкретная политика была частью более широких доктрин национальной безопасности и подчинялась им.

Обзор этих доктрин, достаточно подробно представленный в работах американских исследователей, показывает, что, хотя каждая из них была сформулирована и принята в ответ на насущные внешнеполитические проблемы, каждый доктринальный документ также затрагивал некоторые фундаментальные аспекты национальной безопасности США, которые заставляли будущих государственных деятелей следовать ее широким политическим целям и предписаниям. Более того, каждая последующая доктри-

на национальной безопасности строилась на фундаменте предыдущих доктрин, что приводило к преемственности политики.

При этом большинство исследователей согласны в том, что именно в 1980-х гг. доктрина национальной безопасности США изменилась от пассивного сдерживания к более агрессивной политике противостояния (Ellis, 2019: 120). Окончание холодной войны привело к поиску новой доктрины, отвечающей изменившимся потребностям национальной безопасности Соединенных Штатов. Не имея равного конкурента, которому можно было бы противостоять, администрация США во главе с Б. Клинтоном способствовала торговле, расширению экономических отношений с другими странами, усилиям по борьбе с распространением ядерного оружия, государственному строительству, гуманитарной интервенции и напористому многостороннему подходу. Это десятилетие относительного мира и процветания для США не породило общей доктрины национальной безопасности, которая доминировала бы в принятии политических решений.

Трансформация роли медиа в доктринальных документах начала XXI в.

Ситуация кардинально изменилась после терактов 11 сентября 2001 г., когда медиаресурс был использован как ответный удар по всему мусульманскому миру, начиная от создания так называемого «черного списка» стран, которым США присвоили статус «государств-террористов», и заканчивая мирового масштаба кампанией по созданию образа «глобального врага» в лице всего исламского мира. В ответ на теракты, а также с учетом разведывательной информации об усилиях Северной Кореи, Ирака и Ирана по получению оружия массового поражения администрация Дж. Буша-младшего приняла новую доктрину национальной безопасности, получившую название «Упреждающий удар». Буш изложил новую доктрину в 2002 г. в документе, озаглавленном «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов»[5].

Новая доктрина предусматривала длительную и сложную борьбу с международными террористами и государствами, которые их поддерживают или укрывают. Особую озабоченность у американского руководства вызывали те государства-«изгои», которые имеют или пытаются обзавестись оружием массового уничтожения. Соединенные Штаты, согласно новой доктрине, должны были «не позволить

врагам угрожать Америке и ее союзникам оружием массового поражения» (Homolar, 2023: 24). В начале XXI в. США начали демонстрировать свою заинтересованность в создании инфраструктуры для обеспечения информационной безопасности. В 2001 г. была создана специальная Координационная группа по критической инфраструктуре (*CICG*). Кроме того, президент уполномочил ФБР создать Национальный центр защиты инфраструктуры (*NIPC*). Эта организация выступает в качестве национального органа по оценке угроз критической инфраструктуры, предупреждению, уязвимости, а также расследованию и реагированию правоохранительных органов на угрозы информационной безопасности.

С 2001 г. в США также работает Центр по обмену информацией и анализу информации в частном секторе (*ISAC*)[6]. Центр является механизмом сбора, анализа, надлежащей дезинфекции и распространения информации частного сектора в ключевых отраслях промышленности. В начале XXI в. гражданские ведомства США редко использовали термин «информационная безопасность». Например, в документах Конгресса за 2000–2001 гг. есть только четыре упоминания термина «информационная безопасность» в таких нормативных актах, как: Закон об усилении компьютерной безопасности 2001 г.; Закон о Комиссии по реформе ФБР от 2001 г.; Закон об электронном правительстве 2001 г. и законопроект «О пересмотре, кодификации и введении в действие без существенных изменений некоторых общих и постоянных законов, относящихся к общественным зданиям, собственности и работам» (раздел 40 Свода законов Соединенных Штатов)[7]. Ни один из документов не связан с психологической безопасностью или манипулированием эмоциями или логикой людей с помощью медиаресурсов.

В то же время Доклад Главного контрольно-счетного управления США за март 2001 г (*GAO*-01-341) озаглавлен «Информационная безопасность: проблемы совершенствования возможностей реагирования на инциденты Министерства обороны США» (Ellis, 2019: 118). Содержание этого документа демонстрирует, что, во всяком случае, для авторов этого доклада информационная безопасность является проблемой, связанной с компьютерным обеспечением и информационными системами. Таким образом, вплоть до 2014 г. в доктринальных документах США речь идет не о воздействии медиа на отдельного человека, а только о технических системах.

При этом, как полагают исследователи, первой массированной информационной войной, в которой медиа стали использоваться

как активный инструмент воздействия, стала война США против «исламских террористов и режима талибов в Афганистане» (Laver, 2005: 108–120). Война была предпринята в ответ на теракты 11 сентября. Нападение США и коалиции на Ирак и вторжение в Ирак в 2003 г. стали первым проявлением доктрины упреждающего удара (Pembecioglu, 2023: 34). Администрация Дж. Буша, оправдывая свое нападение на Ирак, указывала на связь Саддама Хусейна с терроризмом и поддержку им терроризма, а также на его программы по созданию ядерного, химического и биологического оружия. Вопреки утверждениям многих своих критиков, Буш не утверждал, что угроза Ирака применить или передать такое оружие террористам была «неизбежной». Как полагает Ф. П. Семпа, «логика доктрины упреждающего удара заключается в том, что Соединенные Штаты больше не могут позволить себе ждать, пока такие угрозы станут неизбежными» (Sempa, 2022: 98). Согласно новой доктрине, США будут защищать свои «интересы внутри страны и за рубежом, выявляя и уничтожая угрозу до того, как она достигнет наших границ» (Там же: 99).

Новая доктрина упреждающего удара также ясно дает понять, что, хотя Соединенные Штаты предпочитают действовать вместе со своими союзниками, в случае необходимости они будут действовать в одиночку, в том числе проводя информационные операции. С этого момента сам термин «война» в документах США приобретает устойчивую характеристику «гибридная», что означает использование медиа в качестве информационного оружия. Сторонники доктрины упреждающего удара признают, что такое понимание медиа является существенным отходом от прежней политики национальной безопасности, но утверждают, что такой отход оправдан характером и масштабами угрозы (Wulzer, 2018: 829).

Современное понимание роли медиа в контексте информационной безопасности США

Следующей значимой вехой в понимании роли медиа как существенного фактора обеспечения информационной безопасности стал «Федеральный закон о модернизации информационной безопасности» 2014 г. (*FISMA*-2014)[8] В данном документе понятие «медиа» разъясняется в контексте кибербезопасности: «Медиаресурс, нацеленный на создание информационной поддержки военных операций и пропаганды демократических ценностей в мире,

необходимо использовать как часть информационных операций по обеспечению национальной безопасности США»[9].

Главным отличием от всех предыдущих трактовок понятия «медиа» можно считать «применение медиаресурса для поддержки миссий США по обеспечению национальной безопасности»[10].

Документ также кодифицирует роль Министерства внутренней безопасности в администрировании политик информационной безопасности для федеральных гражданских органов исполнительной власти, в области надзора за соблюдением этих политик и оказании помощи в разработке этих политик с позиций использования медиа в качестве «неотъемлемой части информационных операций»[11]. Законодательство предоставляет Департаменту полномочия по разработке обязательных оперативных директив для агентств по координации и в соответствии с политикой и практикой доктрины кибербезопасности. Программа информационной безопасности (*InfoSec*) 2022 г. устанавливает политику, процедуры и требования для защиты секретной и контролируемой несекретной информации, раскрытие которой может нанести ущерб национальной безопасности[12].

Таким образом, к началу XXI в. роль медиа в доктринах национальной безопасности Соединенных Штатов эволюционировала от инструмента сдерживания и контроля над национальным информационным пространством до активного средства упреждающих информационных военных действий в любой точке мира. Эта эволюция в политике является отражением как роста мощи Соединенных Штатов, так и постепенного геополитического коллапса однополярного мира и характера угроз, с которыми сейчас сталкиваются США. Под «ростом мощи» понимается не только усиление военной силы и экономического влияния США, но и их доминирование в сфере информационных технологий и медиаплатформ. Это проявляется как в абсолютных показателях, таких как увеличение расходов на оборону и инновационные технологии, так и в относительном — в сравнении с другими державами, особенно в условиях снижения их геополитической роли.

Заключение

Основными вехами эволюции концепции медиа в доктринальных документах США, касающихся обеспечения информационной безопасности, являются события 11 сентября 2001 г. и геопо-

литические изменения 2014 г., когда американскому руководству пришлось пересмотреть роль информации как фактора воздействия на потенциального противника. В рамках документов до 2001 г. само понятие «информационная безопасность» сводилось к компьютерным системам и защите данных. Анализ доктрин США конца XX в. также показал, что на уровне руководства страны отсутствовало и понимание значимости защиты информационного пространства от информационных угроз. Более того, трактовка сути таких угроз не включала нанесение информационного и психологического вреда населению страны.

За прошедшие 20 лет доктринальный подход к пониманию роли медиа в структуре информационной безопасности США существенно изменился: медиаресурсы стали рассматриваться как наступательный инструмент в информационных операциях (*IO*), призванных поддерживать прочие элементы гибридной войны. Проведенное исследование позволяет говорить, что с 2014 г. фактически реализуется подход к медиа как инструменту информационной войны. Более того, с 2022 г. роль медиаподдержки опосредованных военных операций США на Евразийском пространстве – как средства воздействия на массовое сознание населения стран-сателлитов США – становится все более интенсивной.

Выявленная эволюция роли медиа в структуре информационной безопасности США позволяет констатировать необходимость ответных мер для обеспечения целостности информационного пространства Российской Федерации и сохранения информационного суверенитета над этим пространством. Реагирование государственных органов на такую динамику роли медиаресурсов в глобальном контексте должно заключаться в проведении системной политики в сфере регулирования деятельности средств массовой информации, вещающих для российской аудитории.

Примечания

[1] Kissinger, H. A. Military Policy and Defense of the ‘Grey Areas’. *Foreign Affairs*. 1955. Vol. 33. P. 417.

[2] Там же. С. 418.

[3] United States government. Office of Security. 2023. Available at: https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security (accessed: 23.04.24).

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] United States Environmental Protection Agency. Information Security Policy, Procedures, and Standards. 2023. Available at: https://www.epa.gov/irmpoli8/information-security-policy-procedures-and-standards

[7] United States government. Office of Security. 2023. Available at: https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security (accessed: 23.04.24).

[8] Там же.

[9] United States Environmental Protection Agency. Information Security Policy, Procedures, and Standards. (2023). Available at: https://www.epa.gov/irmpoli8/information-security-policy-procedures-and-standards (accessed: 23.04.24).

[10] American's Cyber Defense Agency. Federal Information Security Modernization Act. (2023). Available at: https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/federal-information-security-modernization-act (accessed: 23.04.24).

[11] Там же.

[12] United States government. Office of Security. 2023. Available at: https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security (accessed: 23.04.24).

Библиография

Арзаманова Т. В. Парад саммитов «коллективного Запада» на фоне формирования внешнеполитической доктрины Дж. Байдена // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 7. С. 2–12.

Бедрань В. В. Механизмы информационной войны США против Ирака в начале XXI в. // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 7. С. 186–195.

Бухарин В. В. Сравнительный анализ нормативной базы по обеспечению информационной безопасности в США и РФ (конец XX – начало XXI в.) // iPolytech Journal. 2016. № 12. С. 2–10.

Кожевников А. М. Социальные медиа как средство ведения информационной войны против России // Академическая мысль. 2022. № 4. С. 181–186.

Королькова Н. В. Взаимоотношения СССР и США в доктрине национальной безопасности и принципов «распространения демократии» администрации Р. Рейгана // Via in tempore. История. Политология. 2022. № 3. С. 90–96.

Мазаева Е. С. Конституция — база для аргументации доктрины национальной безопасности США // Юридическая техника. 2017. № 7. С. 178–191.

Небренчин С. М. Место и роль информационного фактора в продвижении «мягкой силы» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3. С. 170–177.

Панкратов В. Н. Национальные интересы как основа «ревизионизма» на международной арене в контексте стратегий национальной безопасности Украины, США, России // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 1. С. 12–25.

Подберезкин А. Н., Подберезкина О. А. Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель. 2018. № 11. С. 6–21.

Amitav M. K. (2023) Technology and Security in the 21st Century. *SIPRI Research Report* 2: 3–17.

Brodie M. (2000) *Strategy in the Missile Age*. Washington.

Croft R. (2018). The End of Monroe Doctrine. *SAIS Review* 16(1): 254–256.

Ellis J. D. (2019) The Best Defense: Counterproliferation and U.S. National Security. *The Washington* Quarterly 26: 117–128.

Homolar A. (2023) *The Uncertainty Doctrine: Narrative Politics and US Hard Power after the Cold War*. New York.

Laver H. L. (2005) Preemption and the Evolution of America's Strategic Defense. *US Military Academy Journal* 4: 108–120.

Pembecioglu N. (2023) Pandect Law in Media Culture: Snowpiercer Analysis. *Interciencia* 4: 34–59.

Sempa F. P. (2022) *US Security Strategies from the Cold War to the 21st Century*. 2nd ed.

Shallcross N. J. (2017) Social Media and Information Operations in the 21st Century. *Journal of Information Warfare* 16 (1): 1–12.

Wulzer P. (2018) "We Will Not Permit Another Iran". The United States, the Protection of Saudi Arabia and the Reagan Corollary to the Carter Doctrine (1980–1981). *Acta Histriae* 26(3): 829–850.

Notes

Kissinger H. A. Military Policy and Defense of the 'Grey Areas'. *Foreign Affairs*. 1955. Vol. 33. P. 417–221.

United States government. *Office of Security*. 2023. Available at: https://www.commerce.gov/osy/programs/information-security (accessed: 23.04.24).

United States Environmental Protection Agency. *Information Security Policy, Procedures, and Standards*. 2023. Available at: https://www.epa.gov/irmpoli8/information-security-policy-procedures-and-standards

American's Cyber Defense Agency. *Federal Information Security Modernization Act*. (2023) Available at: https://www.cisa.gov/topics/cyber-threats-and-advisories/federal-information-security-modernization-act (accessed: 23.04.24).

References

Amitav M. K. (2023) Technology and Security in the 21st Century. *SIPRI Research Report* 2: 3–17.

Arzamanova T. V. (2021) Parad sammitov «kollektivnogo Zapada» na fone formirovaniya vneshnepoliticheskoy doktriny Dzh. Baydena [The parade of the "collective West" summits against the backdrop of the formation of J. Biden's foreign policy doctrine]. *Yevropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy* 7: 2–12. (In Russian)

Bedran' V. V. (2012) Mekhanizmy informatsionnoy voyny SShA protiv Iraka v nachale XXI v. [Mechanisms of the U.S. information war against Iraq in the early 21st century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* 7: 186–195. (In Russian)

Brodie M. (2000) *Strategy in the Missile Age*. Washington.

Bukharin V. V. (2016) Sravnitel'nyy analiz normativnoy bazy po obespecheniyu informatsionnoy bezopasnosti v SShA i RF (konets XX – nachalo XXI v.)

[Comparative analysis of the regulatory framework for ensuring information security in the USA and Russia (late 20th – early 21st century)]. *iPolytech Journal* 12: 2–10. (In Russian)

Croft R. (2018). The End of Monroe Doctrine. *SAIS Review* 16 (1): 254–256.

Ellis J. D. (2019) The Best Defense: Counterproliferation and U.S. National Security. *The Washington* Quarterly 26: 117–128.

Homolar A. (2023) *The Uncertainty Doctrine: Narrative Politics and US Hard Power after the Cold War*. New York.

Kozhevnikov A. M. (2022) Sotsial'nye media kak sredstvo vedeniya informatsionnoy voyny protiv Rossii [Social media as a tool of information warfare against Russia]. *Akademicheskaya mysl'* 4: 181–186. (In Russian)

Korol'kova N. V. (2022) Vzaimootnosheniya SSSR i SShA v doktrine natsional'noy bezopasnosti i printsipov «rasprostraneniya demokratii» administratsii R. Reygana [USSR-US relations in the national security doctrine and the "spread of democracy" principles of the R. Reagan administration]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* 3: 90–96. (In Russian)

Laver H. L. (2005) Preemption and the Evolution of America's Strategic Defense. *US Military Academy Journal* 4: 108–120.

Mazayeva E. S. (2017) Konstitutsiya — baza dlya argumentatsii doktriny natsional'noy bezopasnosti SShA [Constitution as the basis for the argumentation of the U.S. national security doctrine]. *Yuridicheskaya tekhnika* 7: 178–191. (In Russian)

Nebrenchin S. M. (2020) Mesto i rol' informatsionnogo faktora v prodvizhenii «myagkoy sily» [The place and role of the information factor in promoting "soft power"]. *Bol'shaya Yevraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* 3: 170–177. (In Russian)

Pankratov V. N. (2020) Natsional'nye interesy kak osnova «revizionizma» na mezhdunarodnoy arene v kontekste strategiy natsional'noy bezopasnosti Ukrainy, SShA, Rossii [National interests as the basis for "revisionism" in the international arena in the context of national security strategies of Ukraine, the USA, and Russia]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene* 1: 12–25. (In Russian)

Pembecioglu N. (2023) Pandect Law in Media Culture: Snowpiercer Analysis. *Interciencia* 4: 34–59.

Podberezkin A. N., Podberezkina O. A. (2018) Politika sanktsiy kak chast' politiki «silovogo prinuzhdeniya» [Sanctions policy as part of the "coercive force" policy]. *Obozrevatel'* 11: 6–21. (In Russian)

Sempa F. P. (2022) *US Security Strategies from the Cold War to the 21st Century*. 2nd ed.

Shallcross N. J. (2017) Social Media and Information Operations in the 21st Century. *Journal of Information Warfare* 16 (1): 1–12.

Wulzer P. (2018) "We Will Not Permit Another Iran". The United States, the Protection of Saudi Arabia and the Reagan Corollary to the Carter Doctrine (1980–1981). *Acta Histriae* 26 (3): 829–850.

Поступила в редакцию
14.06.2024